

Были собраны и систематизированы сведения о материальном инструментарии профессионального писца XV–XVII веков на основании фактов, содержащихся в описях, приходно-расходных и таможенных книгах, свидетельств иностранных путешественников и изобразительных источниках. Инструментарий пишущего, как показала исследовательница, был обширен (трипицы для вытирания пера, процеживания чернил, листы-пробники, оселок для заточки перочинного ножа, плита для измельчения киновари, звериный зуб для ухода за писчим пером и кусок слоновой кости для вошения бумаги, железная мешалка для чернил, дорогостоящая греческая губка). Корректировка ингредиентов красящих веществ требовала от профессионального писца навыков в «писцовой химии» (перечисляются камедь, квасцы, сурик, купорос, кислые яблоки, гвоз-

дика, имбирь, вино, калач), что позволяет получить представление об объеме необходимых знаний и умений пишущего. Результатом работы в дальнейшем должен стать полный каталог инструментария древнерусского писца.

Все доклады вызвали живую дискуссию. Активное обсуждение выступлений, в котором приняли участие Н. В. Поньрко, Т. И. Афанасьева, А. Н. Кручинина, Ж. Л. Левшина, О. В. Панченко, Н. В. Савельева, С. А. Семячко, А. В. Сиренов, М. А. Федотова и др., дало возможность увидеть новые направления исследований, уточнить выводы и расширить представление о месте памятников в истории культуры Древней Руси.

© *И. А. Лобакова,*
© *В. А. Ромодановская*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-238-240

ВОСЬМОЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

4 декабря 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась Восьмой агнографический семинар. Традиционная встреча специалистов по агнографии открылась докладом Е. В. Романенко (Москва) «Борисоглебский цикл как источник по канонизации святых». Как показала исследовательница, уже первая русская канонизация обнаружила определенную последовательность действий со стороны княжеской и церковной власти. Литературные памятники XI века, посвященные святым Борису и Глебу, отразили четкое понимание критериев святости, без которых прославление не могло состояться. Вопрос о канонизации был поставлен после того, как появились известия о чудесах от мощей Бориса и Глеба (само по себе обретение нетленных мощей не стало достаточным основанием). Инициатива канонизации исходила от князя Ярослава Мудрого. По одним данным, митрополит Иоанн I согласился с князем, по другим, высказывал осторожные сомнения, но князь настоял на своем. По приказу Ярослава была построена и освящена во имя князей-страстотерпцев церковь, установлен день ежегодного церковного празднования, а также написана икона с изображением Бориса и Глеба; впоследствии была составлена служба святым. Наличие основных признаков канонизации доказывает, что она совершилась при Ярославе Мудром. Последующие перенесения мощей Бориса и Глеба 20 мая 1072 года и 2 мая 1115 года послужили поводом установления новых дней памяти святых и распространению их почитания. Первая русская канонизация, по заключению Романенко, стала эталонной для позд-

нейших, определив критерии и порядок проведения процедуры прославления святых.

Т. Б. Карбасова (Санкт-Петербург) прочла доклад «К вопросу о почитании русских святых в Кирилло-Белозерском монастыре в XV в.». Она исходила из предположения, что наличие посвященных русским святым текстов в монастыре в той или иной мере может свидетельствовать об их почитании. Начав рассмотрение источников с «Кирилловских святцев» (по преданию принадлежавших Кириллу Белозерскому) и «Допахомиевской службы» преподобному Кириллу, Карбасова установила, что интерес к сбору сведений о русских чудотворцах стал замечен к началу 60-х годов XV века. Он проявился в заказе Пахомию Сербу Жития и Службы основателя обители, подготовке Службных миней, в археографической и редакторской деятельности Ефросина и, наконец, в пополнении библиотеки сборниками житий новых чудотворцев («Одинцовский патерик», сборник собрания Н. П. Лихачева, № 161). Новый этап в почитании русских святых в Кирилловом монастыре связан с деятельностью Гурья Тушина — это уже не собирание, а создание новых текстов и новых редакций служб и житий, очевидно ориентированных на монастырское богослужение (Краткого жития и Похвального слова Кириллу Белозерскому, Кирилловской редакции Жития Авраамия Смоленского, особой редакции «Вассиановых чудес» Зосимы и Савватия Соловецких, особой редакции «Чудес на обретение мощей Бориса и Глеба», сокращенных редакций служб Авраамия Смоленскому, Зосиме Соловецкому, Антонию Печерскому). Очевидно, к концу XV ве-

ка в церковном сознании уже сформировался устойчивый запрос на прославление русских чудотворцев, который и нашел отражение в деятельности старца Гурия.

Упомянутый Т. Б. Карбасовой сборник стал предметом специального исследования А. В. Духаниной (Москва) в докладе «О происхождении и бытовании агиографического сборника СПбИИ РАН, колл. Н. П. Лихачева, № 161». Сборник 70-х годов XV века уникален по составу и имеет большое значение для русской агиографии: это один из первых годовых минейных торжественников, содержащий преимущественно русские жития и сказания, многие из которых представлены в этом сборнике самыми ранними списками (в частности, Жития Стефана Пермского, Исая, Авраамия, Исидора, Игнатия Ростовских, Епифаниевская редакция Повести о Темир-Аксаке и др.). Не менее интересна, как показала Духанина, история сборника, тесно связанная с Кирилло-Белозерским монастырем: рукопись была привезена (предположительно из Троице-Сергиева монастыря) в обитель, где в XVI веке использовалась на ежедневных чтениях по Уставу; в самом конце XVI века сборник был привлечен как один из источников при составлении годового трехтомного комплекта миней четых в монастыре. В XVII веке сборник вывезли в Умбу — отдаленную вотчину Кирилло-Белозерского монастыря на Кольском полуострове. В XVIII веке он попал на Нижнюю Печору — в Великопоженский скит, где старообрядцы извлекли из него Киево-Печерский патерик, первоначально входивший в его состав, отредактировали и заново переплели. Среди записей на защитных листах рукописи есть автографы известного усть-целимского книжника И. С. Мяндина.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Агиографическая составляющая Сказания о Спасо-Каменном монастыре». Сказание имеет сложную природу, обусловленную множеством разножанровых источников его текста. Первый, наиболее ранний, летописный слой памятника был выявлен О. Л. Новиковой. В нем не оказалось целого ряда эпизодов, а именно — рассказов о Дионисии Глушицком, Александре Куштском, игумене Кассиане, Иоасафе Каменском. Семячко рассмотрела фрагменты Сказания, посвященные русским святым (Дионисию Глушицкому, Александру Куштскому и Иоасафу Каменскому), попытавшись ответить на вопрос, когда, где и на базе каких источников были сделаны агиографические дополнения в текст Сказания о Спасо-Каменном монастыре. Докладчица установила зависимость Сказания от Жития Дионисия Глушицкого, продемонстрировала, что отношения с Житием Александра Куштского могут быть двойными, и на основании сопоставления Сказания с вторичным по отношению к нему Житием Иоасафа Каменского показала, что эти два произведения создавались в разных местах: Житие преподобного Иоасафа в Спасо-Каменном монастыре, а Сказание — за его предела-

ми. При этом исследовательница согласилась с О. Л. Новиковой, предположившей возможность написания Сказания о Спасо-Каменном монастыре в Кирилло-Белозерской обители.

Доклад «Житие Германа Казанского и казанский митрополит Лаврентий II» прочел Н. В. Белов (Санкт-Петербург). Житие второго казанского архиепископа Германа Садырева-Полева (1564–1567) было создано в первой половине 1660-х годов по инициативе казанского митрополита Лаврентия II. По признанию автора Жития, книжника Иоанна, митрополит Лаврентий выступал в роли не только заказчика, но и главного поставщика сведений о жизни св. Германа. Будучи ставленником патриарха Никона и приверженцем его реформ, митрополит Лаврентий намеренно привнес в житийный текст сюжеты, призванные обеспечить поддержку никонианских идей. Так, если в Житии митрополита Филиппа Герман совместно с митрополитом выступал против опричной реформы царя Ивана на Соборе 1567 года, то в Житии Германа он был представлен в роли защитника Филиппа на соборном суде 1568 года. По своему «обличительному» послы Житие Германа в некоторых случаях превосходит все прочие произведения «филипповского цикла». Рассказ Жития об обстоятельствах приглашения Германа занять пост настоятеля Старичьего Успенского монастыря был, по предположению Белова, придуман митрополитом Лаврентием, занимавшим ранее Тверскую архиепископскую кафедру и желавшим тем самым связать судьбы двух подвластных ему епархий — Тверской и Казанской.

А. Ю. Семанин (Москва) выступил с докладом «Житие св. кн. Андрея Смоленского в рукописной традиции XVI–XIX вв.». Текст памятника был составлен на основании жития прп. Даниила Переславского, написанного не ранее 1562 года. Исследователю удалось выявить 16 списков Жития XVI–XIX веков, самый ранний из которых содержится в Минее Четвей второй половины XVI века (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 962). Первоначально Житие было кратким и представляло собой повесть об обретении мощей кн. Андрея (Минейная редакция). В XVII веке текст был дополнен несколькими новыми главами, а также подвергся стилистической правке (Расширенная редакция). В следующем, XVIII веке, вероятно, в связи с прославлением святого в 1749 году Житие было значительно переработано, дополнено заимствованиями из новых источников (Пространная редакция). Наконец, в XIX веке были созданы две новые редакции текста (Проложная и Печатная), а также получила самостоятельное бытование первая часть Пространной редакции (Краткая редакция).

Доклад М. С. Егоровой (Санкт-Петербург) «Осмогласники русских святых в Стихираре РГБ, ф. 379, № 63–66 середины XVII в.» был посвящен группе древнерусских гимнографических текстов, объединенных общей музыкальной формой т. н. «осмогласника» и прославляющих избранных русских святых, чья

канонизация состоялась в середине — второй половине XVI века. Немногочисленные тексты осмогласников в честь «новых русских чудотворцев» зафиксированы в нотированных рукописях конца XVI — XVII века и представляют собой уникальный феномен в литургической традиции этого времени. Усложненная форма песнопения-осмогласника, построенная на последовательности фрагментов текста, распетых интонационными формулами первого-восьмого гласов, существовала и в более раннее время, однако именно со второй половины XVI столетия древнерусские распевщики все чаще обращались к ней в контексте наиболее торжественного богослужения со всенощным бдением и чином целования в его составе. Известны осмогласники в честь таких святых, как Феодор, Давид и Константин Ярославские, Петр Московский, Александр Невский, Петр и Феврония Муромские, Прокопий Устюжский, Василий и Константин Ярославские, Василий Блаженный, Зосима и Савватий Соловецкие. Егорова обратила внимание на важность историко-культурного контекста функционирования осмогласников, — в частности, локальных практик почитания святых в местах их погребения. Она предположила прямую связь возникновения этого типа текстов с социосимволическими действиями в рамках литургического чинопоследования в пространстве гробниц воспеваемых в осмогласниках святых.

Семинар завершился докладом О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «От изучения источников — к критической агиографии: об источниках Жития и Службы митрополиту Филиппу и о принципах „нахождения“ (inventio) агиографами литературного материала». Исследование двух старших редакций Жития митрополита Филиппа позволило установить,

что при создании Кольчевской редакции были использованы источники преимущественно местного происхождения, тогда как при создании Тулуповской редакции привлекался широкий ряд переводных житий и некоторые другие литературные источники. Тулуповская редакция, таким образом, относится к категории «украшенных» текстов, создававшихся «по образцам», что доказывает ее вторичность: в противном случае пришлось бы признать, что составитель Кольчевской редакции последовательно сократил многочисленные литературные заимствования. Во второй части доклада Панченко сделал шаг от источниковедения в область критической агиографии. По наблюдениям исследователя, составитель «украшенной» редакции Жития митрополита Филиппа целенаправленно черпал «новые материалы» для агиобиографии святого не из государевых архивов или местных летописцев, а из житий подобных ему святых (подробнее см.: *Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534*). Составитель Тулуповской редакции подобрал для изображения митрополита Филиппа прежде всего те агиологические образцы, которые были схожи с ним по типу подвига и чину святости, — святителей-исповедников и преподобных-исповедников. При этом был найден свой агиологический образец для каждого из этапов духовной биографии святого. Поиск агиологического образца, как установил Панченко, включает в себя и выбор связанной с ним литературной модели.

© Т. Н. Галашева

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-240-244

XL НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

4–5 февраля 2020 года состоялась XL Некрасовская конференция, организаторами которой выступили Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Всероссийский музей А. С. Пушкина (Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова). Традиции проведения Некрасовских конференций в этом году исполнилось 70 лет. Эта традиция была учреждена по инициативе одного из главных специалистов по Некрасову — профессора В. Е. Евгеньева-Максимова. Он же предложил формат, сохранившийся по сей день, когда первый день конференции проходит в Пушкинском Доме, а второй — в музее поэта.

Юбилейная конференция проводилась накануне еще более значимой даты — 200-ле-

тия со дня рождения Н. А. Некрасова, которое будет отмечаться в 2021 году. В связи с этим к обсуждению предлагался, наряду с традиционными темами, ряд специфически «юбилейных»: метаморфозы исследовательского интереса в ретроспективе Некрасовских конференций — от первой (1950) до сороковой (2020); писательский юбилей как историко-литературный факт; перспективы и возможности актуализации фигуры Н. А. Некрасова и его наследия в современном художественном контексте; сегодняшние рецепции некрасовских изданий и редакторских стратегий российских журналов XIX века; теоретические и практические аспекты работы литературного музея и т. д.